

The image is a painting. On the right side, a woman's face is partially visible, looking downwards. She has dark hair, and two bright yellow roses are tucked into it. The background is a light, textured grey. On the left side, there is a dark, shadowy silhouette of a church spire or bell tower, which tapers to a point at the top. The overall style is soft and painterly.

Бондаренко Андрей

Желтая роза в ее волосах

Андрей Бондаренко
Желтая роза в её волосах
Серия «Неформатные книги»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2374785

Аннотация

Мне довелось много попутешествовать по Свету.

Очень много. Практически – без ограничений. Так, вот, получилось...

Встречи с пожилыми представителями местного населения, разговоры со случайными попутчиками, личные впечатления, мифы, легенды, сказки...

Благодаря всему этому и были написано несколько десятков рассказов и миниатюр, которые сейчас объединены в сборник, предлагаемый вниманию уважаемых читателей.

Андрей Бондаренко

Содержание

Раздел первый	4
Жёлтая роза в её волосах	4
Португальская бабушка	9
Радуга над городом	31
Тропическая математика	40
Джедди и Маркиза. Или о том, как рождаются революции и карнавалы	50
Чёрный снег, хрустальные слёзы. Карибская шутка...	63
Лузеру – саечка	68
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Андрей Бондаренко

Жёлтая роза в её волосах

Раздел первый

Побережье Карибского моря

Жёлтая роза в её волосах

Вступительные экзамены в театральный ВУЗ.

Сегодня надо что-то читать. То ли стихи, то ли прозу. Главное, что не басню. С баснями у Него никогда не ладилось. А всё остальное, что ж, не страшно.

Страшно – то, что уже нельзя ничего изменить. Ничего и никогда. Безвозвратно и навсегда...

Тёмный коридор, жёлтая старинная дверь, позеленевшая от времени медная изогнутая ручка. Необъятный гулкий зал, в самом его конце – Приёмная Комиссия.

Седой Мэтр, прославленный – чем-то давно и прочно забытым. Справа от него – молоденькая смазливая актрисулька, звезда новомодных телесериалов. Рядом – ещё какие-то, смутно узнаваемые.

– Ну, молодой человек, просим, зачитывайте.

«Просите? Ну, что же, ладно. Слушайте...».

Он сглатывает предательскую слюну, и, глядя безразлично и отрешённо куда-то поверх голов важных и знаменитых, начинает:

Жёлтое солнце в её волосах.
Утро над быстрой рекой.
И о безумных и радостных снах
Ветер поёт молодой.

Жёлтое солнце в её волосах.
Жаркий полуденный зной.
И о мечтах, что сгорели в кострах,
Ворон кричит надо мной.

Синее море, жёлтый песок.
Парус вдали – одинок.
Ветер волну победить не смог,
И загрустил, занемог.

Жёлтая роза в её волосах.
Кладбище. Звёздная ночь.
И бригантина на всех парусах
Мчится от берега прочь.

Камень коварен. Камень жесток.
И словно в страшных снах
Маленький, хрупкий, жёлтый цветок
Плачет в её волосах...

Он читал, говорил, рассказывал – чётко и размеренно, как автомат.

Пять минут, десять, двадцать, тридцать...

О чём? О былой любви, ушедшей навсегда, об удачах, обернувшихся позором, о несбывшихся мечтах и вещих снах, оказавшихся подлым обманом. В старинном гулком зале звучал только Его голос, все остальные звуки умерли.

Члены Комиссии замерли в каких-то нелепых позах, внимая – словно во сне – безграничной юношеской тоске и чему-то ещё – страшному и жёлтому, тому, что не поддаётся объяснению словами человеческого языка....

Но, вот, он замолчал.

Нет, не потому, что стихотворение закончилось. У этого стихотворения не было ни конца, ни начала. Он мог бы ещё говорить час, сутки, год, век.

Просто – уже нельзя было ничего изменить. Ничего и никогда. Безвозвратно и навсегда...

Его голос затих, а тишина осталась. Она ещё звенела и жила секунд тридцать-сорок.

Потом послышались громкие и протяжные всхлипы. Это молоденькая и смазливая актрисулька, звезда новомодных телесериалов, рыдала, словно годовалый ребёнок, роняя крупные – как искусственные японские жемчужины – слёзы.

– Извините, но Она, что же..., умерла? – чуть слышно спросил Седой Мэтр.

– Нет. Она жива. Просто – полторы недели тому назад – вышла замуж. Не за меня, – ответ был безразличен и холоден, как тысячелетние льды Антарктиды, спящие на глубине трёх, а то и четырёх километров.

– Извините меня господа, – он резко развернулся и – на негнущихся ногах, неуклюже, словно загребая невидимый снег – пошёл к выходу.

Чёрные ступени, занозистые перила. Тяжёлая неподдающаяся дверь. Серая улица. Слякоть, желтые тусклые фонари. Ветер гонит по улице бумажный мусор.

Седой Метр догнал Его только возле автобусной остановки. Схватил за рукав куртки, развернул, осторожно положил ладони рук на тёплые юношеские плечи.

– Мальчик, что же ты? Ведь, всё ещё впереди. А, экзамены.... Да, что там! Ты принят. Принят – в мою Мастерскую! Станешь великим Артистом. Призы, премии, удача, слава. Она узнает и вернётся к тебе. Или, Бог с ней, чего уж там. Другие будут...

– Спасибо, Мэтр, – безучастно, отрешённо и равнодушно Он смотрел на белые перистые облака, целеустремленно плывущие куда-то на юг. – Я – для себя – уже всё решил. Долг мечте заплачен. На этом, извините, всё.... Улетаю, самолёт на Карибы уже вечером. Тёплое зелёное море, шустрые мартишки, шумные попугаи. Буду там пиратствовать понемногу, или клады старинные искать, или – ещё что-нибудь другое, аналогичное.... А потом, на белом-белом песке забро-

шенного пляжа, я встречу смуглую мулатку – юную, хрупкую и незащищенную. Полюблю её. Она полюбит меня. И родится у нас дочка – крохотная и озорная, обязательно – со светлыми кудряшками. И я назову её – как звали Ту. И буду любить. И все пылинки сдувать. А если кто-нибудь подойдёт к моей девочке близко..., – глаза, ранее безучастные и равнодушные, вдруг, стали настолько безумными и страшными, что Седой Мэтр непроизвольно отшатнулся в сторону.

– Прощайте, Мэтр. Не поминайте лихом.

Отчаянно дребезжа, подошёл старенький автобус, забрал нового пассажира и бодро умчался куда-то – в безумную даль...

Седой Мэтр, рассеянно скользя взглядом по обшарпанной афишной тумбе, проезжающим пыльным машинам и редким пешеходам, ещё долго стоял на остановке.

Он стоял и думал: – «А, что, чёрт побери? Может, тоже стоит, наплевав на всё и вся, уехать-улететь в Карибию? И там, на белоснежном песке заброшенного пляжа, встретить свою мулатку? Юную, хрупкую и нежную? И, обязательно, с жёлтой розой в волосах...».

Португальская бабушка

Яхта называлась – «Кошка», хотя на борту ничего и не было написано.

Тем не менее – «Кошка», и всё тут.

Я в этих судах морских – каравеллах, пароходах, бригантинах, клиперах всяких – совсем ничего не понимаю.

Но, эта яхта была – просто красавицей.

Длинная – метров семнадцать-восемнадцать, узкая, низко посаженная, с мачтой – пропорционально невысокой. Борта – белые, с редкими синими полосами. Верхняя половина мачты – сиреневая.

Та ещё штучка – эстетичная – до полного совершенства.

Как ей название собственное подходило – словами не передать. Смотришь на неё со стороны, и что-то такое грациозное – по-настоящему кошачье – ощущаешь.

А, когда она – под всеми-всеми парусами, да при работающем, вдобавок, дизеле – волны зелёные рассекает, так и кажется: ещё немного и прыгнет – в погоне за добычей невидимой. За мышью, например, или, наоборот, за китом каким, под лапу подвернувшись...

Бывает же любовь к женщине – с первого взгляда?

И здесь аналогичная ситуация. Увидел я эту «Кошку» и понял: плыть мне на ней, однозначно – плыть! При любом раскладе...

Команда красавицы-яхты состояла из четырёх человек.

Во-первых, доктор Карл Мюллер – владелец яхты и её капитан. Крепкий ещё, восьмидесятилетний старикан, прошедший огонь, воды, медные трубы и даже лагерь для военнопленных в Коми ССР. Кажется – визуально – стар и немощен. А в глаза ему посмотришь – тот ещё дядя, из настоящих. Волчара непростая, кусачая...

Далее – Мари, невестка доктора. Грустная – до полной невозможности, молодая ещё совсем женщина, обладательница огромных, печальных голубых глаз и роскошной гривы пепельных волос. Смотришь на неё, и сердце на части – лоскутьями неровными – рвётся, слезинками невидимыми истекая.... По судовой специальности она – штурман, радист и кок в одном флаконе.

Третий по списку, собственно, я. Палубный матрос и посудомойка – по совместительству.

Замыкающим числился хмурый, молчаливый и неразговорчивый норвежец лет пятидесяти, по прозвищу – «Фьорд». Моторист-дизелист, и вообще, мастер на все руки.

Теплым ранним утром вышли из порта Барселоны. На пирсе – с десятков провожающих – жмутся в кучку, несчастные. Я тут же стишок написал про тех бедолаг.

Уходят корабли...

Уходят корабли.
В рассвет – за Край Земли.
А мы стоим – похмельны и печальны.
И понимаем – с грустью изначальной,
Что навсегда, наверное, прощаясь,
За дальний Край Земли
Уходят корабли...
Они вернутся,
Через много лет.
Те капитаны – и седы и строги,
Трофеи сложат – прямо на пороге,
Нас не найдя, но выполнив обет.
И, позабыв когда-то обернуться,
Они – вернутся...

А мы к их возвращению уже
Помрём, конечно, в лености и неге.
В мечтах – о неожиданном побеге,
Помрём – к их возвращению – уже...

Пошли на юг, вдоль испанского побережья.

Стоял полный штиль, поэтому шли сугубо на дизеле, парусов даже и не пытаюсь поднять. Жара навалилась – за сорок. Кошмар долбанный – на все стороны Света. Кальмарову

печень – в пережлёт, да – с оттяжкой!

От безделья решил я как-то на рассвете рыбки половить.

Чтобы русский человек – в свободное время – рыбки не половил? И не мечтайте, уважаемые, потому как не дождёсь вовсе, даже – до морковкиного заговенья...

Спиннинг старенький достал, блесёнку нехитрую, с Родины контрабандою вывезенную, прицепил. И, что вы думаете?

За пару часов штук пять рыбин нехилых – по килограмму каждая – поймал. Красивые такие рыбины, с чешуёй под серебро старинное, тёмное.

Фьорд сказал, что, мол, макрель.

Чудак, право! Откуда в Средиземном море – макрель? Книжки умные надо читать. Обычная скумбрия, не более того. Но – красивая...

Мари из той моей добычи, печально улыбаясь, как и всегда, таких разносолов наготовила – язык проглотишь.

Через – без малого – трое суток прошли Гибралтар.

«Меж Геркулесовых Столбов – лежит моя дорога....»

Никогда бы не подумал, что эта знаменитая песня может иметь отношение к моей скромной персоне.

И, вообще, Городницкий – молоток! Не соврал совсем, у Столбов, действительно, было много дельфинов. Грели они там спины, или просто тусовались? А, так ли это важно?

Вышли в Атлантический океан. Тут ветра было – сколько хочешь. Пришло время парусов.

Опасался я этого момента слегка. Мол, справлюсь ли?

Ведь, не обучен совсем. Даже названия парусов пугали нешуточно: большой грот, фок-стаксель, бом-кливер...

Оказалось, что ничего страшного и нет. Современные яхты, они очень хорошо оснащены различными техническими прибабасами – всякими лебёдками, приспособлениями и тягами гидравлическими. Главное – крепко-накрепко запомнить: когда что – крутить надо, когда на что – нажимать.

Вообще-то, мы на Барбадос направлялись. Вдруг, выяснилось, что надо зайти в португальский порт Синиш – затариться соляжкой, продовольствием, прочим всяким.

В Барселоне, конечно, всё это можно было сделать. Но Карл Мюллер, он же австрияк – до мозга костей: если где шиллинг, или по-новому – евроцент, можно сэкономить – сэкономит обязательно. В Португалии, как выяснилось, абсолютно всё дешевле на порядок, чем в зажиточной Испании.

Скалы, скалы, скалы. Между ними – жёлтые волны неслабые. Как в бухту вошли – непонятно. Мотало – как гадов последних...

Вошли, к причалу встали.

Фьорд на борту остался – со своей «Кошкой» мурлыкать. Мари с доктором в портовую контору отправились – вопросы решать насущные. А я решил по городку этому прогуляться немного.

Твою Мать!!!! Вот же, оно, Средневековье настоящее! Какие дома! Смотришь – лет пятьсот каждому. А дубы проб-

ковые? Каждому – лет по паре тысяч!

Памятники бронзовые, позеленевшие от времени, на каждом шагу. Судя по всему – местным Правителям, мореплавателям, пиратам, и прочим – Уважаемым Личностям. Замки всякие – французские, там, шотландские – дети малые, право...

Находился, посмотрелся – проголодался. В кабачок, старинный до безобразия, зашёл.

Только расположился, меню (на английском), изучил, бабушка старенькая подходит. Ну, очень старенькая: низенькая такая, на костылях, лицо морщинистое – куда там коре тех дубов пробковых. А глаза – молодые, голубые, какие-то – смутно-знакомые.

Тут дело понятное: либо – прогнать следует сразу в грубой форме, либо, наоборот, накормить от души и расспросить.

Не был я до этого в Португалии, любопытно стало. Заказал у официанта для бабульки мясо тушёное с овощами, того сего, портвейна бутылочку (и себе такую же, понятно дело).

Замахала бабушка руками, мол: – «Зачем же так тратить-ся? И пива хватило бы...». Да, чего уж. Русские мы, или где?

Общались мы с ней, так как я португальского языка не знал совсем, на странной смеси английского и испанского. Ничего, однако, понимали друг друга.

Рассказала мне старушка обо всех этих легендарных мужичках, памятники которым установленные были видны из окна таверны.

Тот же Христофор Колумб, к примеру. Он, конечно, в Генуе родился, но свои лучшие годы прожил в Португалии. Именно здесь, будучи навигатором искусным, вычислил, что до Индии, если плыть на запад, ближе получается. Это уже потом его испанские Фердинанд с Изабеллой к себе переманили. Но он – португальский, если по-честному...

Америго Веспуччи? Да, он тоже имел итальянские корни. Но, под чьим флагом долгие годы плавал? Под – португальским!

Про местных скромных Героев – история отдельная, их имена сами за себя говорят: Педро Альварес Кабрал, Себастьян дель Коно. Последний, и вовсе, историей обижен нешуточно.

Считается, что первое кругосветное путешествие совершила экспедиция под руководством Фернандо Магеллана. Только не так всё было. Сам Магеллан и половину пути не одолел – погиб на Филиппинах, в жаркой стычке с местным населением. Дальше дель Коно экспедицию возглавил. А, ведь, хорошо известно, что вторая половина пути, она гораздо трудней первой.... Всё равно забыли о дель Коно, все лавры исторические достались Магеллану. Несправедливо, однако!

Часа два с половиной рассказывала мне старушка о Героях, ныне в бронзе отлитых.

Закрываешь глаза: лязг дамасской стали о бронзовые латы, вой ветра в заштопанных наспех парусах...

Тут мобильник у меня запиликал – жена из Питера позвонила. То бишь, решила проверить: занимается ли муж любимый делами, достойными настоящего путешественника, или же, от противного, дурочку легкомысленную валяет – всяко и разное?

Поболтали мы с супругой (по-русски, понятное дело), с минуту – роуминг в 2002-ом году очень, уж, дорогой был.

Кнопку «отбоя» нажимаю – ба, старушка-то моя – вся в слезах.

– Что случилось, бабушка? – спрашиваю на уже привычной смеси английского и испанского.

А она мне и отвечает – на чистом русском, сквозь слёзы:

– Как же это я, дура старая, сразу не просекла, что ты, внучок, русский? Портвейн дорогуший нищенке купил, ведь. Можно было и сразу догадаться...

Русской бабушка оказалась по рождению, Натальей нарекли когда-то. Во время Войны, ей тогда лет десять только и было, в Германию угнали. Потом, понятное дело, Франция, Испания, Португалия...

Бабка мне долго о своей непростой жизни рассказывала, я ей – о России нынешней.

Утром «Кошка» уходила – по расписанию. В том смысле, что к месту назначения.

– Не бросай, меня внучок! – прощаясь на причале, попросила старая Наталья, – Обратно пойдёте, забеги. Может, возьмёте с собой? Хотя бы до Польши довезите, или – до

Финляндии. Дальше-то я сама как-нибудь.... А, внучок?

Отчалила яхта, а на краю пирса осталась крохотная фигурка в чёрном, машущая вслед поочерёдно – то одной, то другой – усталой старческой рукой...

Белые домики – под красной черепицей.

Ночью – жарче, чем днём.

Разве так бывает? Не спится...

Расскажите, бабушка, о Нём.

Расскажите – как уплывал без показных проводов,

Как вернулся – встречен нерадостно...

О нём, о Путешественнике, без недомолвок.

Пусть – он итальянец, но – гордость Португалии...

А, давайте – выпьем портвейна – настоящего?

Очень дорого? Я заплачу – не считайте...

Почему плачете, бабушка?

Вы – русская по рождению? Здравствуйте!!!

Проплыть от Гибралтара до Барбадоса, да ещё при ветре попутном, нехитрое дело – совсем. Однако, вдруг, на юг уходить стали.

В чём же тут дело? Устал я теряться в противоречивых догадках, в лоб капитана спросил об этом.

Оказалось, что уважаемый господин Мюллер, не смотря на багаж прожитых лет и седины заслуженные, является легкомысленным мальчишкой. Видите ли, он – с самого детства

– мечтал – экватор пересечь!

Пересекли экватор, конечно.

А дальше длинными галсами пошли – из стороны в сторону, пересекая тот экватор нещадно и многократно.... Детство голоштанное, блин тропический, полное!

Допересекались, на свою голову. Налетел-таки – штормяга...

Южная половина неба нахмурилась нешуточно. Наступил полный и бесконечно-мрачный штиль. Было, вот, только что солнце. А теперь – где оно? Тишина обрушилась – необычайная и тревожная. Даже волны остаточные стали – абсолютно бесшумно – стучаться в борта яхты. Духота навалилась – немыслимая. Пот потёк ручьями...

Откуда придёт ветер? А это очень важно – необходимо, чтобы он ударил в корму яхты. Иначе – кердык полный, не берущийся.

Ветер налетел единым порывом. Бом-кливер, стаксель и топселя надулись нехилыми пузырями, «Кошка» задрожала, и, неуклонно набирая ход, понеслась на северо-запад.

Капитан Мюллер положил руля под ветер, паруса захлопали – словно салют праздничный.

Фьорд взобрался на салинг. Минут через пять-шесть он стал подавать руками какие-то знаки. Что конкретно – непонятно, но смысл угадывался чётко: кранты полные – деревушке задрипанной – наступают...

Оказалось, что попали мы в самое пекло, то есть, в эпи-

центр тропического урагана, носившего гордое женское имя – «Елена». Слава Богу, что Фьорд успел вовремя спуститься с мачты...

Только что шли по ветру со скоростью курьерского поезда, волны легко обгоняя. И, вдруг, наступило полное безветрие. Волны гигантские мчатся нам навстречу. Страшно...

Что дальше произошло – в это никто не верит, сколько раз я ни рассказывал.

На одной из встречных волн перевернуло яхту. Сделала «Кошка» сальто безупречное (или «петлю Нестерова», для тех, кто понимает), да и приводнилась мягко, за ушедшей волной...

И так – за время урагана – пять раз было! Никто не верит, а зря.

Прав был незабвенный капитан Врунгель:

– Как вы судно назовёте – так оно и поплывёт!

И народная мудрость, безусловно, права:

– Кошка, она всегда на лапы приземляется.

А, так же, как показывает практика, и – приводняется!

Кошка – всегда – приземляется на лапы.

Мяукая, при этом, немножко.

Какое же это ёмкое слово, однако:

– Кошка!

Прошёл ураган, потрепав нас изрядно.

Мачта сломана, паруса порваны в клочья, дизель – на последнем издыхании....

Огляделись – Земля с юго-запада.

Подплываем – со скоростью черепахи:

– Ба, Барбадос! Куда и плыли – собственно. Бывает...

Отстоялись на Барбадосе с недельку, новую мачту поставили, парусов подкупили, благословясь, дальше пошли.

Ещё через сутки «Кошка» бросила якоря в уютной бухте Сан-Анхелино. Городишко есть такой – на карибском побережье.

Какая это страна?

А, так ли это важно? Допустим, Никарагуа.

Впрочем, даже не все местные жители на этот вопрос отвечают уверенно. Некоторые, безмятежно улыбаясь, отвечают:

– Да, Карибия, наверное....

Баллада Странствий

Эхо – былых времён.

Зов – тех далёких стран.

Вновь – ветер перемен.

Бьёт – в наши паруса!

Тени – прожитых лет.

Нам – не дают уснуть.

Отблески – прошлых побед.

Наш – озаряют путь!
Чаек – тоскливый крик.
Вслед летит – за кормой.
Жизнь – это только миг.
Нам не надо – другой.
Клипер – поднял паруса.
Все – словно бы – навсегда.
И – голубая звезда.
Снова – слепит глаза.
Сотни – ужасных бурь.
Где-то – в засаде сидят.
Нынче у нас – июнь.
Плаванье – до декабря.
Месяц – и белый песок.
Тёплый и нежный – такой.
Кошкой – лежит у ног.
Ластиться – под рукой.
В том кабачке – огни.
И гитары – поют.
Тропики – рай для любви.
Может – останусь я тут?
Вдруг – позабуду Тебя?
Завтра – встав поутру?
Златом – пошло звеня.
Я гарем – заведу?
В трюм его – помещу.
Вновь – поднять паруса!
Отчего же – грущу?
Отчего же – слеза?

И – миллиарды звёзд.
Нежно так светят – вдали...
Слушай – не надо слёз.
Просто – меня позови.
Ты позови – всерьёз.
Через – шторма и года.
Что мне – те полчища звёзд?
Ты у меня – одна.
Сон, вдруг, снится – ещё.
Первый снег – на полях.
По полю – мы вдвоём.
Дружно шагаем. Зря
Снился – под утро – тот сон.
Яркая в небе – заря.
Чистый – совсем – горизонт.
Может, всё это – зря?
Значит – всё решено:
Вся команда – наверх!
Рулевой – путь домой!
Даст Бог – всем!

Снова – знакомый причал.
Кто там – стоит на краю
Пирса? Не уж-то – Она?
Та, что так нежно – люблю...

Допустим, вы пришли на морской пляж какого-либо курортного городка. Например, блистательной Ниццы. Или, наоборот, провинциального и зачуханного Ейска.

Стоите и глядите себе под ноги, а потом медленно поднимаете голову.

В этом случае вашему взгляду последовательно открывается череда изысканных картинок: песок, песок, море, море, линия горизонта, небо, небо, небо...

Но, так бывает далеко не везде и не всегда.

Например, здесь, на набережной городка Сан-Анхелино, поздней весной или в начале лета, при полном безветрии, на рассвете – между шестью и семью утренними часами – череда картинок будет иной: песок, песок, море, море, море, море, (а может, уже небо?), точно – небо, (а может, еще море?), море, море...

И никаких тебе фокусов. Просто море и небо окрашены в совершенно-одинаковые, ярко-бирюзовые цвета. Линия горизонта отсутствует. Небо и море сливаются в нечто Единое, Неразделимое и Неразгаданное...

Ничего прекрасней на белом Свете нет.

И если вы еще не наблюдали этого чуда, то вы – счастливчик. У вас впереди первое, ни с чем несравнимое свидание с ним. Ну, а тот, кто уже стал свидетелем этого Непознанного, покидает сей блаженный берег только по крайней необходимости. Или, на крайний случай, по зову сил Высших...

Вот, так всегда – когда не клюет, всегда тянет немного пофилософствовать.

Кстати, если вы никогда не рыбачили на Карибском море, и – при этом – не имеете крепких зачатков ихтиологических

знаний, то и не пытайтесь. Мол, себе дороже. Здесь большинство рыбьего населения – создания крайне ядовитые и, вообще, несъедобные, а некоторых из них и в руки брать не советую – ожог обеспечен. Даже я, проживший в этих краях целых два с половиной месяца, предпочитаю ловить только резо, как их называют местные аборигены. Впрочем, я почему-то уверен, что это обычная молодь барракуды, хотя, могу и ошибаться...

Длинный зеленый поплавок, изготовленный из пера попугая, медленно пошел в сторону, покачнулся и уверенно утонул. Подсечка, короткая борьба, и длинная зеленая рыбина, широко разевая зубастую пасть, запрыгала по белому песку.

Это уже третья за утро. Право, недурно. Теперь можно, никуда не торопясь, перекурить.

Сан-Анхелино, наконец-таки, проснулся. Многочисленные женщины и мужчины заторопились куда-то по узким, мощеным диким, необработанным камнем улицам. Кто-то по делам, но большинство просто так – ради променада, пока не наступил полуденный зной, а, следовательно, и сиеста – сладкий послеобеденный сон где-нибудь в спасительной тени.

В бухту, надсадно подавая хриплые наглые гудки, ввалился грузный лесовоз «Кьянти», оставляя за собой радужные мазутные пятна и устойчивый запах керосина.

Рыба больше не клевала. Оранжевое, все еще утреннее и поэтому не особенно злобное солнышко, выглянуло из-за ба-

нановой рощи, что уютно расположилась у меня за спиной.

Оптический обман тут же приказал долго жить, меняя цвета и перспективы. И, вот, уже нежно-зеленое море было безжалостно разлучено с голубовато-лазурным небом: будто бы кто-то торопливо провел по прекрасному художественному полотну лезвием тупого ножа, оставляя где-то там, в немыслимой дали, грубый шрам – линию горизонта.

Нежное прохладное утро тихо и незаметно скончалось, родился новый тропический день – безжалостный в своей грядущей жаре...

Под Южными Созвездьями

Небо и море – одного цвета,
Нет между ними – горизонта линии.
Говорите, здесь всегда – Вечное лето?
Плесните-ка – ещё – Мартини...
Скорее всего, я тут зависну – надолго.
Возможно, что и навсегда.
Между тропиком Рака и тропиком Козерога,
Говорят, медленно летят – года...
Я зависну, не думая о хлебе насущном.
Бананы и кокосы – падают прямо в руки – всегда.
Сиеста – многочасовая. И Любовь, говорят, места эти
посещает —
Разборчиво, иногда...

Что ещё надо – чтобы подбить Итоги?

То ли всей Жизни, то ли – только – Её проявлениям частным?

Вдруг, здесь навсегда останусь, подражая многим?

Счастливым – в конечном итоге. Или – несчастным...

Вдруг, год проспав, объевшись цветками лотоса,

Я вернусь, всё же, в свой Мир – прежний?

Где метели метут – целый год – без роздыха.

Всё метут и метут – без бонусов на Надежду.

Вернусь к той девчонке – с глазами серыми.

Словно, та вода – в знакомом роднике.

Со словами – на удивленье – несмелыми,

Что родились – негаданно нежданно – в этом тропическом далеке...

А вечерами зимними, хмурыми, промозглыми,

Что сразу наступают – по окончанию короткого лета,

Я буду ей рассказывать – веками нескончаемыми, долгими —

О тех местах, где небо и море – одного цвета...

Так случилось, что обратно пошли только через одиннадцать месяцев с небольшим. Вдвоём с Фьордом. Доктор Мюллер заживо сгорел в одной из славных карибских эскапад. Мари тоже умерла, как будто колодезная вода – в деревянном ведре – покрылась тонкой корочкой льда...

Не будем здесь об этом. Про это – роман целый надо писать. Напишу, в обязательном порядке. Честью клянусь. Тем не менее.

Посоветовались и пошли в норвежский Берген.

«Кошка» была приписана к порту Барселоны. Да, собственно, какая разница? Хозяин яхты – доктор Мюллер – погиб. Да и все наследники его – также.

Решили, что в Бергене поставим «Кошку», оплатим стоянку на полгода вперёд, Власти известим, а дальше – не наше дело...

Еле Фьорда уговорил зайти в Синиш.

Пришли, встали к причалу отведённому, сошли на берег. Стали бабушку Наталью искать – нет нигде.

Парнишка местный подбежал, лопочет что-то, зовёт куда-то. Благо Фьорд, проплавав много лет по морям и океанам, превратился в самого натурального полиглота. Перевёл всё – пусть, и через пень-колоду.

Пришли на место. Кладбище – древней не бывает. На самом краюшке притулилась могила скромная, табличка: – «Natali Ivanova 1932–2002». Ниже – текст на португальском языке.

Переписал я тщательно этот текст, через полгода, уже в Питере, мне его на русский перевели:

Жёлтое солнце в её волосах.

Утро над быстрой рекой.

И о безумных и радостных снах

Ветер поёт молодой.

Жёлтое солнце в её волосах.

Жаркий полуденный зной.
И о мечтах, что сторели в кострах,
Ворон кричит надо мной.

Синее море, жёлтый песок.
Парус вдали – одинок.
Ветер волну победить не смог,
И загрустил, занемог.

Жёлтая роза в её волосах.
Кладбище. Звёздная ночь.
И бригантина на всех парусах
Мчится от берега прочь.

Камень коварен. Камень жесток.
И словно в страшных снах
Маленький, хрупкий, жёлтый цветок
Плачет в её волосах...

Постояли, повздыхали, помянули. Утром дальше отправились.

Через шесть суток вошли в бухту Бергена.

Красиво, ничего не скажешь. Солнце в волнах яркую радугу запускает, на берегу домишки жёлто-красные выстоялись в ровные ряды.

– Эй, Фьорд! – говорю. – Посмотри, красота-то какая!

А Фьорд совсем в другую сторону смотрит. Там, на молу пирса, девчонка стоит невысокая, а рядом с ней – два паца-

на-погодка белобрых, лет по восемь-десять.

– Прощай, Андреас! – Фьорд говорит. – «Кошку» сам поставишь.

И, как был, сиганул – в полной амунии – за борт.

Пришвартовался я кое-как. Ткнулась «Кошка» бортом в шины резиновые, прибитые к причалу, да и замерла послушно. Умная – девочка.

Да, думаю, и мне, судя по всему, пора на Родину. И девчонка своя там ждёт, Фьордовой и не хуже совсем. И киндеров – пару...

Нева – грустит...

И я грущу – за ней.

И воздухе – тоска.

Да и пребудем – с этим...

Бывает всяко

В розовом рассвете.

Бывает в Мире – Солнечных Теней...

Бывает. Почему же – Ты – грустишь?

Роняя слёзы – словно Мир закончен?

И ветер, разогнав толпу на Площади,

Вдруг, прилетел – к Тебе.

И я с ним – лишь – к Тебе!!!

– Эй, Андреас! – Фьорд издали орёт, жену обнимая, а на каждом его плече сидит по мальчишке белобрысому. – Всегда и везде! А козлы те – не пройдут никогда!

И на правое плечо своё кивает, где татуировка Че Гевары – место быть имеет.

– Конечно, не пройдут! – отвечаю, на своего Че пальцем показывая, что на левом моём плече – живёт. – Никогда!

Барселона – Синии – Сан-Анхелино – Берген – Санкт-Петербург, 2002–2007.

Радуга над городом

(Немного карибской мистики)

За массивным столом мореного дуба, щедро залитым прокисшим красным вином, икая и раскачиваясь из стороны в сторону, горько плакал старый одноухий гоблин. Он плакал об ушедшей навсегда молодости, о былой любви, затерявшейся где-то, об удачах, обернувшихся позором, о несбывшихся мечтах и вещих снах, оказавшихся обманом...

И, словно бы вторя старику, сочувствуя и соглашаясь с ним, по просторному трактирному залу летела, как будто сама по себе, словно бы живя собственной жизнью, старинная каталонская баллада:

Былой отваги Времена
Уходят тихо прочь.
Мелеет Времени река,
И на пустые берега
Пришла Хозяйка-Ночь...

Гоблин изредка всхлипывал и – в такт песне – активно стучал оловянной кружкой по столу, разбрызгивая пролитое вино во все стороны.

Негромко и мелодично прозвенел колокольчик, узенькая

входная дверь распахнулась, и в pulperia¹ вошёл новый посетитель, причём, весьма примечательной наружности.

Роста среднего, толст, широк и неповоротлив, одет в поношенный сюртук старинного фасона. Рыжая лопата – бороды. На месте правого глаза – черная повязка, в левом ухе – массивная серебряная серьга, на боку – огромный тесак непонятного предназначения.

Обладатель рыжей бородищи проследовал к самому дальнему столику, за которым одиноко завтракала молодая, очень скромно одетая девушка.

Девушка была премиленькая – маленький веснушчатый нос, серые огромные глаза, спрятанные за круглыми учительскими очками, темно-каштановые волосы, собранные в классический конский хвост.

Я, чисто на всякий случай, отправился в ванную комнату и срочно сунул голову под струю холодной воды.

Дело в том, уважаемые читатели и читательницы, что я – после третьей-четвертой рюмки горячительного – начинаю воспринимать действительность в несколько иллюзорном, можно даже сказать – в совершенно романтическом виде.

В чем тут дело – загадка природы. Но последняя рюмка виски была именно четвертой...

Наспех стряхнув с волос мелкие капельки воды, я торопливо вернулся в обеденный зал.

¹ – pulperia (испанский яз.) – кабачок, таверна.

Гоблин, как и ожидалось, оказался вовсе и не гоблином, а даже, наоборот, представительным и солидным мужчиной преклонных лет. Естественно, что господин этот, вовсе, не икал и из стороны в сторону не раскачивался, а сидел за столом чинно и благородно, зажав в ладони правой руки фужер с белым сухим вином. Что же касается наличия или отсутствия ушей, то установить это было крайне проблематично – по причине наличия роскошной гривы седых волос, эстетично ниспадавшей на плечи неизвестного сеньора.

А, вот, сам трактирчик, носящий вычурное название «La Golondrina blanka²» (местный аналог «белой вороны»?), крепкий дубовый стол и старинная каталонская баллада являлись непреложными реалиями.

Молоденькая мулатка, томно полуприкрыв глаза, самозабвенно выводила:

И никого со мной в Ночи.
Кругом – лишь сизый дым.
И в Мире больше нет причин
Остаться молодым...

Симпатичная же посетительница заведения и её экстравагантный ухажер, однако, никуда не исчезли. Более того, многие гости, почтившие в этот утренний час трактирчик своим присутствием, с нескрываемым любопытством наблюдали за

² – La Golondrina blanka (испанский яз.) – белая ласточка.

этой приметной парочкой.

Господин с пиратской внешностью, смущённо вздохнув, неуклюже опустился на одно колено, достал из внутреннего кармана сюртука молоденькую желтую розу на коротеньком стебле, непривычно лишённом шипов, и, сказав несколько слов – неслышных для других посетителей – протянул цветок девушке.

Барышня смотрела на неожиданного кавалера с весёлым удивлением.

Но, совсем необидно. Так смотрят на старого верного дворового пса, неожиданно притащившего в зубах шляпу зануды-соседа.

Девушка, кротко улыбнувшись, бережно взяла цветок и одарила ухажёра вежливой улыбкой. Секунду-другую помедлив, она осторожно воткнула стебель розы в свою причёску.

Тут случилось-произошло непонятное – и молоденькая сеньорита, и её кавалер как-то странно полузастыли, словно замёрзли, движения их стали угловатыми и плавными. Медленно-медленно рыжебородый тип поднялся на ноги, девушка – и это её простое движение заняло как минимум десять секунд – протянула ему навстречу руки.

Они неловко застыли в этом стремлении друг к другу, и, вдруг, какая-то неведомая сила, сопровождаемая негромким хлопком, отбросила их в разные стороны. Девушка была мгновенно опрокинута – вместе со стулом – на пол, а мужчина,

отлетев метров на шесть-семь в противоположную сторону, пребольно ударился о стену заведения.

Посетители немедленно бросились на помощь, и уже через минуту пострадавшие самостоятельно стояли на ногах. Очевидно, произошедшее не причинило им значимого вреда, только помятый (мёртвый?), жёлтый цветок неуклюже скорчился на полу...

– Извините, Мэри, извините, – с трудом выдавил из себя мужчина.

– Мне тоже очень жаль, Зорго. Очень жаль..., – дрожащим голосом ответила ему девушка.

Посетители кабачка, о чём-то огорчённо переговариваясь, деликатно отошли в сторону.

Легенда о Жёлтой Розе.

Эта история произошла лет сто двадцать тому назад, а может, и все сто пятьдесят. Карибия тогда только-только обрела независимость.

Стояла, жила-поживала на берегу тропического, лазурно-изумрудного ласкового моря большая деревушка. А может, просто маленький посёлок, регулярно и исправно дававший приют разным тёмным личностям и авантюристам всех мастей – пиратам, золотоискателям, охотникам за старинными кладами, закоренелым преступникам, скрывавшимся от правосудия стран Большого Мира.

Белые, вест-индийские негры, метисы, мулаты, дикие ин-

дейцы, всякие – в буро-малиновую крапинку. Короче говоря, та ещё публика, живущая весело, разгульно и беспутно....

А какое настоящее беспутство, собственно говоря, может быть, если женщин в деревушке практически и не наблюдалось? Так, только несколько индианок, да толстая старая афроамериканка донья Розита, владелица трактира «La Golondrina blanca³».

И, вот, представь себе, в католической Миссии, что располагалась рядышком с этим посёлком авантюристов, появляется девушка-американка необыкновенной красоты – высокая, стройная, фигуристая, молоденькая. Ухаживает в Миссии за больными и калеками, детишек индейских обучает английскому языку и математике, а в деревне появляется только по крайней необходимости – купить в местной галантерейной лавке ниток-иглол, да наведаться на почту.

Звали девушку – Анхелина Томпсон. И была она такая хрупкая, грустная и печальная, что, глядя на неё, даже у злых и вечно-голодных бродячих псов на глазах наворачивались крупные слёзы сочувствия. Ходили упорные слухи, что жених Анхелины трагически погиб где-то на северных золотоносных приисках, а она – от безысходности и тоски – уехала служить Господу в далёкую католическую Миссию.

Но разве это могло остановить тамошних головорезов, истосковавшихся по женскому обществу? Стали они поочерёдно оказывать мисс Томпсон различные знаки внимания

³ – Перевод с испанского языка – «белая ласточка».

– тропические цветы дарить охапками, через посыльных мальчишек-индейцев предлагать крупные золотые самородки, морские жемчужины и прочие ценности. Но только не принимала она тех подарков и цветов, всё с посыльными возвращала обратно.

Лопнуло тогда терпение у карибских бродяг. И однажды, уже под вечер, дружной толпой человек в шестьдесят-семьдесят пожаловали они к капризной недотроге в гости.

Жила мисс Анхелина в скромной глинобитной хижине рядом с Миссией и выращивала на крохотной клумбе жёлтые розы, неизвестные тогда в Карибии. Видимо, привезла с собой из Американских Штатов черенки. Вернее, роза была всего одна, остальные не прижились и со временем завяли.

Выдвинули пришедшие бандерлоги девушке недвусмысленный и жёсткий ультиматум, мол: – «Либо, красотка, ты сама незамедлительно укажешь на избранника, то есть, на мужчину, с которым согласна разделить брачное ложе, либо всё решит честный и непредвзятый жребий.... Так ли, иначе ли, но свадьбе – к заходу солнца – быть!».

Грустно и печально улыбнулась тогда Анхелина, и спокойно, не моргнув глазом, ответила, мол: – «Я, конечно, уступаю грубому насилию. А суженого выберу самостоятельно – сейчас срежу жёлтую розу и вручу её своему принцу...».

Радостно заволновались женихи, восторженно завопили – в предвкушении незабываемого свадебного спектакля.

А девушка взяла у ближайшего к ней примата острый кин-

жал, осторожно срезала с клумбы единственную жёлтую розу, тщательно удалила все острые шипы с её стебля и аккуратно воткнула – розу себе в причёску, кинжал – себе в сердце. И упала бездыханной...

Долго стояли бандерлоги над мёртвым девичьим телом, стояли и скорбно молчали. Потом похоронили несчастную девушку, а над её могилой возвели каменную часовню. Городок же нарекли – «Сан-Анхелино». И стали – все и повсюду – с искренним пылом и рвением выращивать жёлтые розы.

А ещё через некоторое время, как-то сам собой, родился один милый и симпатичный обычай. Когда мужчина хочет предложить девушке (или женщине), руку и сердце, то он ей дарит жёлтую розу. Если она согласна, то цветок принимает и бережно пристраивает его в причёску. Вот, здесь всё только и начинается....

Видимо, Призрак невинно-убиенной Анхелины Томпсон, так и не найдя покоя, всё бродит по городку и его окрестностям, да и вмешивается, ни у кого не спрашивая на то разрешения, в дела любовные.

Когда, например, мужчина неискренен, или намерения имеет нечестные и сугубо меркантильные, то тут же раздаётся негромкий хлопок, и виновник впадает в самый натуральный летаргический сон. Нет, не навсегда, каждый раз по-разному, видимо, в зависимости от степени нечестности. Кто-то десять-пятнадцать минут спит, а кто-то и полтора месяца.

Ну, и с женщинами-девушками, которые принимают цве-

ток без должных на то оснований, то есть, без настоящей и искренней любви, происходит то же самое.

Бывает, правда, достаточно редко, что засыпают оба – и жених, и его потенциальная невеста. Одна брачующаяся пара полгода проспала. Потом несостоявшиеся супруги почти одновременно – с разницей в три часа – проснулись, встретились, поглядели друг другу в глаза, рассмеялись по-доброму и стали закадычными друзьями.

А ещё иногда происходит следующий природный казус: девушка втыкает в волосы жёлтую розу, принесённую кавалером-ухажёром, а над Сан-Анхелино неожиданно загорается-вспыхивает яркая многоцветная радуга. Это означает, по уверению знающих людей, что всё хорошо и Святая Анхелина благословляет этот конкретный брак...

Эту легенду, а может, и не легенду вовсе, рассказала мне сеньора Сара Монтелеон, очень красивая женщина «чуть-чуть» за сорок.

Гордая королевская осанка, грива роскошных чёрных волос. Взгляд – когда в хорошем настроении – два голубых светлячка, когда изволит сердиться – две голубые молнии...

Если честно, то она мне уже давно нравится.

После этого её рассказа мне тут же захотелось – незамедлительно подарить донье Саре жёлтую розу. Вдруг, Святая Анхелина будет к нам милостива, и над городом – загорится яркая радуга?

Тропическая математика

О том, как сеньора Сара Монтелеон осчастливила Сан-Анхелино своим многолетним присутствием, вам расскажет любая местная *picarilla*⁴, спросив за эту услугу совсем даже недорого – рюмку-другую местного *aguardiente*⁵ и маленький урок «настоящего» английского языка для своего говорящего попугая.

История прекрасная и страшно романтическая, а суть ее заключается в следующем: самое эффективное в этом мире средство, обостряющее ум человеческий до невиданных высот, это чашка кофе *chigos*⁶, выпитая под черную карибскую *sigaros*⁷ – в нужном месте, в нужное время и в правильной компании.

Итак, незадолго до Рождественских праздников, мисс Сара Тина Хадсон – двадцатипятилетняя аспирантка кафедры Высшей математики Университета города Нью-Йорка, грядущее светило точных наук, красавица и умница – чинно сидела в кондитерской «Пятая Авеню», что располагалась на одноимённой нью-йоркской улице, за чашкой жидкой бурды, которая по какой-то жуткой ошибке именовалась «кофе», и

⁴ – *picarilla* (испанский яз.) – плутовка.

⁵ – *aguardiente* (испанский яз.) – коньячный напиток.

⁶ – *chigos* – сорт никарагуанского кофе.

⁷ – *sigaros* – сигарета из «чёрного» табака.

старательно продумывала сто первый вариант решения знаменитой теоремы Ферма.

В те времена – в так называемой интеллектуальной среде – это считалось достаточно модным и почётным занятием. Да и размер премии, обещанной каким-то толстосумом за правильное решение, если говорить откровенно, впечатлял.

За соседними столиками оживлённо переговаривались-ворковали влюблённые парочки. В дальнем углу зала худенький молодой человек небрежно прикасался к чёрно-белым клавишам рояля и, отчаянно глоссируя, что-то негромко напевал. Что – конкретно – напевал? Э-э-э....

В тот год, если память мне не изменяет, был очень моден и популярен знаменитый «Рождественский романс»:

Глупое сердце, пронзённое стужей,
Кукушка молчит – за поломанной дверцей.
Если по правде – никто, уж, не нужен
Заледеневшему, бедному сердцу...

Время, практически, остановилось.
Много вопросов, но нету – ответов.
Мелко дрожит, видимо, простудилось,
Продрогшее сердце, пронзённое ветром...

Память, она – словно рваная рана,
Сверху присыпанная – толчёным перцем.
Стонет, отведавши яда обманов,
Глупое сердце...

Музык небесных мелодия снова
Стала слышна, вопреки всем невзгодам.
Слушает сердце, и злые оковы
Медленно тают – словно...

Скрипки рыдают – в полях, за рекою.
Дали подёрнуты дымкою мгlistой.
Полено сосновое – плачет смолою.
Угли в камине – почти аметисты...

И на ковре – появляется лужа.
Пахнет рассветом – нездешним, весенним...
Это рыдает, оттаяв от стужи,
Глупое сердце – под вечер – в Сочельник...

Это рыдает, оттаяв от стужи,
Глупое сердце – под вечер – в Сочельник...

Но, я отвлёкся, вернёмся к нашему рассказу.

Итак, в этот ответственный момент, зловеще скрипнув, как говорят в модных романах о роке и неотвратимой судьбе, приоткрылась дверь кондитерской, и в заведение вошел смуглый малый двухметрового роста. Судя по обветренному, украшенному двумя неровными шрамами лицу, вошедший был моряком, а милый акцент, который проявился несколько позже, явно свидетельствовал о его испанском или вест-индийском происхождении.

Это был ни кто иной, как Симон Монтелеон, знаменитый в иных соленых водах капитан парохода «Ватерлоо», перевозившего особо стратегически-важные для Карибии товары – бананы, апельсины и лимоны, коренной житель славного города Сан-Анхелино.

Молодые люди познакомились и славно поболтали, выпив по чашечке вышеупомянутого светло-коричневого несладкого напитка.

Случайно узнав, что эта отвратительная жидкость именуется «кофе», моряк сперва удивился, потом рассердился, затем разгневался. Расстегнув долгополый походный сюртук, он выхватил из-за широкого кожаного пояса весьма внушительный абордажный тесак и приставил его к горлу несчастного хозяина кондитерской, требуя немедленно объяснить смысл этой несмешной шутки.

После последовавших затем незамедлительных и витиеватых извинений, благородный дон Симон решил простить глупого gringo и даже, достав из бездонного кармана сюртука изящную жестянку с неким ингредиентом, приготовил на кухонном примусе – для всех желающих – ковшик настоящего chigos.

К этому моменту большинство посетителей благоразумно покинули опасное заведение.

Но мисс Сара Хадсон осталась сидеть на прежнем месте. Безусловно, она была несколько фраппирована поведением своего экзотического собеседника, но ничуть не испугана –

ведь, общеизвестно, что испугать истинную леди (причём, с шотландскими корнями), гораздо труднее, чем даже решить неразрешимую теорему Великого Ферма...

– Милая Сара, – немного смущаясь, проговорил неустрашимый морской волк, – Отведайте, пожалуйста, благородного chigos с карибских плантаций. В его изысканном вкусе – вся правда о моей прекрасной Родине. Сделайте глоток, закройте глаза – и вы погрузитесь в Мир прекрасных видений. Голубые далекие горы, полные неизъяснимой печали и зовущие в дорогу – прочь от родного очага – за неведомой и призрачной мечтой. Стада белоснежных лам, пугливых и грациозных, как наши детские сны. Беспокойные, никогда не засыпающие джунгли. И море, Великое Карибское море, Море Морей.... О, мисс Сара, как жаль, что я не родился поэтом!

Прикурив черную, непривычно длинную сигарету, Симон Монтелеон продолжил:

– А если вы – в перерывах между глотками chigos – сделаете несколько затяжек этой черной карибской sigaros, то перед вами могут открыться многие тайны мироздания....

И тут произошло неожиданное.

Изысканная, элегантная, одетая по последней моде нью-йоркская леди сделала маленький глоток chigos и, поставив на столик фарфоровую чашечку, бестрепетной рукой, затянутой в тугую лайковую перчатку, решительно выхватила из пальцев оцепеневшего капитана sigaros, после чего сделала глубокую профессиональную затяжку.

Результат превзошел все ожидания.

Глаза мисс Сары Тины Хадсон широко распахнулись и засияли – словно два индийских самоцвета, густые соболями брови удивленно взлетели вверх, а маленькие, изысканно очерченные карминные губы прошептали непонятные слова.

– Эврика. Эврика. Эврика...

Она торопливо вскочила на ноги и, схватив со столика элегантную сумочку крокодиловой кожи, мгновенно убежала из кондитерской.

Дон Симон только растерянно хлопал ресницами, делая при этом руками какие-то непонятные движения явно извинительного характера, словно беззвучно призывая Господа Бога – в свидетели своей полной невиновности в произошедшем.

Как говорят – в таких случаях – опытные карибские охотники: – «В чем ошибся ягуар уже не важно. Важно, что кролик, все-таки, убежал...».

А Сару Хадсон просто-напросто посетило озарение – она неожиданно нашла решение Великой теоремы и срочно побежала домой, стремясь как можно быстрее зафиксировать на бумаге своё судьбоносное открытие...

К вечеру все было записано, оформлено как надо, запечатано в плотный конверт и отправлено почтой в город Лондон – мистеру Джону Тревору, тогдашнему её жениху, который в поте лица трудился профессором высшей математики в одном из тамошних Университетов. Покончив с этим важным

делом, наследница славы Архимеда и Лобачевского уснула сном притомившегося ангела.

Утром же выяснилось, что имеет место быть маленькая неприятность – за время сна гениальное решение теоремы Сарой Хадсон – напрочь – было позабыто. И виной всему, по ее мнению, был некий смуглый верзила с двумя крайне безобразными шрамами на обветренной физиономии, который снился безостановочно всю ночь напролёт, рассказывая – при этом – всякие цветастые байки о морских разбойниках, несметных сокровищах, зарытых в глубоких пещерах, об обезьянах, тапирах, аллигаторах и прочих глупых разностях...

Это, на первый взгляд, действительно, была просто маленькая неприятность – ведь, решение ушло почтой к Джону Тревору, который через два месяца намеривался прибыть в Нью-Йорк. Для официального предложения руки и сердца, понятное дело.

Два месяца промчались – как один день.

И, вот, долгожданная встреча двух любящих сердец состоялась.

– Джон, Джон! – взволнованно щебетала девушка, радостно улыбаясь и взволнованно теребя рукав смокинга своей будущей половинки, – Правда же, мое решение Великой теоремы просто великолепно и бесспорно? Ну, скажи же скорей! Правда?

– Дорогая Сара, – несколько озадаченно, неодобрительно

посверкивая стеклышком монокля, проговорил сэра Джон. – Я, право, несколько удивлен. Ведь, любой студент-первокурсник знает, что решения теоремы Ферма не существует в природе. Да и не может существовать. Как же ты, право...

– Стоп, Джон Тревор, – безапелляционно перебил его голос, в котором легко угадывались характерные грозвые нотки. – Оставь свое частное мнение при себе. А мне, пожалуйста, отдай моё решение. Причём, отдай немедленно!

– Но, дорогая, – ошарашено промямлил уважаемый и заслуженный профессор, – я искренне подумал, что это была твоя милая рождественская шутка. Розыгрыш, так сказать. Ну, я и...

– Короче говоря, – угрожающе пророкотал громовой раскат, и профессору даже показалось, что где-то совсем рядом сверкнули две ярко-голубые молнии, – ты, законченный мерзавец, выбросил его? Выбросил? Выбросил? Выбросил?

– Ну, конечно, я..., – это были последние слова мистера Тревора в этом знаковом диалоге.

Вы знаете, что такое настоящий гнев?

Гнев ужасный, беспощадный, Гнев – с большой буквы?

Если вы не встречались с по-настоящему разгневанной леди, имеющей шотландские корни, то вы не знаете о гневе ничего...

Первый удар, нанесенный закрытым дамским зонтом, сбил с сэра Джона чёрный котелок, после второго разлетелся на тысячи мелких осколков его монокль, после третьего...,

впрочем, будем милосердны – излишняя кровожадность ныне не в почете.

Естественно, что после вышеозначенного печального инцидента о свадьбе и речи быть не могло.

Но, вовсе, не это беспокоило нашу бескомпромиссную и прекрасную воительницу. Гораздо более важная и неразрешимая проблема стояла перед ней. В Нью-Йорке, этом великолепном мегаполисе, где, казалось бы, есть всё, везде и всегда, невозможно было достать ни *chigos*, ни *sigaros*. А, как без этих «волшебных» помощников вспомнить секрет решения Великой теоремы?

Проблема разрешилась как-то сама собой. Села мисс Сара Тина Хадсон на первый же «фруктовый» пароход и отправилась в далёкое экзотическое путешествие – с конечной точкой маршрута в захудалом городке Сан-Анхелино, что расположился где-то между тропиком Рака и тропиком Козерога.

Дальше случилось то, что случается в этих местах всегда и со всеми. Познакомилась молоденькая жительница Нью-Йорка с великим Чудом слияния неба и моря в Единую Сущность, и позабыла о достославной теореме Ферма. Да и, вообще, обо всех и всяческих теоремах...

А, кроме всего прочего, она вышла замуж за морского бродягу Симона Монтелеона, который, к несчастью, лет тринадцать тому назад сгинул где-то на бескрайних просторах Карибского моря – не вернулся старенький пароход «Ватер-

лоо» в порт приписки.

Как рассказывают местные старожилы, в тот момент, когда счастливая невеста, позабывшая обо всех тайнах высшей математики, вдевала в свадебную причёску жёлтую розу, над Сан-Анхелино зажглась шикарная многоцветная радуга, до сель и после этого – невиданная....

Детей у них не было. Так, вот, получилось.

Но сеньора Сара Монтелеон не вернулась в Большой Мир, живет себе в маленьком белом домике под красной черепной крышей, ухаживает за крохотным апельсиновым садом, и каждое утро выходит на городскую набережную – все ждет своего двухметрового верзилу с двумя симпатичными шрамами на смуглом обветренном лице.

За это все жители городка ее безмерно любят и уважают...

Джедди и Маркиза. Или о том, как рождаются революции и карнавалы

Джедди подбросили к порогу дома семейства Монтелеон лет двенадцать тому назад, как раз через год после того, как дон Симон затерялся где-то в запутанных морских лабиринтах.

За окнами царила чёрная-чёрная ночь, самая чёрная из всех ночей, какие доводилось видеть капитану Сиду в своей жизни. Бушевала гроза – бешенная и страшная, полная изломанных ярких молний и воя сумасшедшего ветра, дувшего с Дальних гор.

В дверь настойчиво постучали, и, одновременно с этим, где-то совсем рядом раздался странный долгий звук – то ли зов охотничьего рога, то ли плач трубы джазового музыканта.

Зарядив – на всякий случай – старинное фамильное ружьё крупной картечью и предусмотрительно взведя оба тугих курка, отважная сеньора Сара Монтелеон резко распахнула дверь.

Сверкнула яркая жёлтая молния, и в её свете взгляду молодой женщины предстала странная картина. Рядом с широкими каменными ступенями крыльца стояла кованая колыбель непонятного чёрного металла изысканной тонкой работы – почему-то сразу, с первого взгляда, было понятно, что

вещь эта старинная, вернее, очень и очень древняя. А в колыбели лежало нечто, завёрнутое в серую, дурно пахнущую шкуру неизвестного зверя, и жалобно стонало-всхлипывало.

Когда чуть позже, уже в столовой-гостиной, сеньора Сара осторожно развернула мокрую шкуру, капитан Большой Сид – карибский матёрый шкипер, старый бесстрашный морской бродяга, повидавший всего и всякого, гостивший в ту пору на берегу по причине пулевого ранения в правое плечо – испуганно подпрыгнул и, ударившись головой о низкую потолочную балку, отчаянно заикал.

К слову сказать, окончательно пришёл в себя капитан не раньше, чем через час, употребив для этого приличное количество универсального лекарства моряков всех стан и народов. То есть, пинты две-три чёрного ямайского рома.

Я давно уже заметил, что даже самые бесстрашные и отважные герои могут испытывать порой чувство страха – и, именно, безмерное удивление виной тому.

А тут, право слово, было чему удивляться.

На серо-серебристой мохнатой «пелёнке» лежал младенец мужского пола, что было установлено однозначно. Крохотное, морщинистое, но достаточно упитанное тельце с ярко-оранжевой кожей, равномерно покрытой тёмно-русой короткой шёрсткой, включая ступни кривых шестипалых ножек и ладони толстеньких коротких (но, все же, хвала Создателю, пятипалых), рученок. Абсолютно гладкое круглое личико с широким улыбающимся ротиком, полным свет-

ло-жёлтых зубиков. Огромные, вполне разумные, если не сказать большего, тёмно-фиолетовые глаза. И, главное, совершенно круглые, непропорционально большие – в нашем обычном понимании – жёлто-лимонные уши.

Зрелище, конечно, было ещё то. Но, как говорится, человек тем и отличается от животных, что ко всему, даже к самому необычному и необъяснимому, привыкает достаточно быстро.

Вот, и жители Сан-Анхелино к такому креативному виду Джедди привыкли уже года через три-четыре после его неожиданного появления.

Изменился найдёныш с тех пор не сильно, разве что подрос немного – вплоть до полутораметровой отметки. Да, шёрстка стала чуть погуще. Да, уши чуть пропорциональней смотреться стали – растут, наверное, медленнее, чем другие части тела. Только никак не соглашается мальчишка надевать обувь, всюду босиком бегает. Из чего у него подошвы? Непонятно, честное слово. Говорят, что на них тоже шёрстка растёт знатная...

Некоторые образованные умники считают, что Джедди – по своему природному происхождению – является обыкновенным хоббитом. Ну, из тех, которых так увлекательно описал мистер Дж. Р.Р.Толкиен. А, что такого? Эта гипотеза несколько не хуже, чем пространные рассуждения (тоже имеющие место быть), о домовых, троллях, инопланетянах и обезьянах.

Как бы там не было, парнишка он шустрый и добрый, все в Сан-Анхелино его любят. Да и способностями Джедди не обделён – легко болтает по-английски и по-испански, читает всё подряд, увлекается различными философскими сентенциями. А слух у него, обоняние, острота зрения – любой индейский охотник за аллигаторами позавидует. Да и, как же иначе, чистокровное дитя природы, как-никак...

Чёрную колыбельку и шкуру-пелёнку сеньора Сара показывает всем многочисленным гостям дома семейства Монте-леон. Но никто из этих уважаемых личностей – ни скитальцы морей, ни кладоискатели и рудознатцы, ни учёные-путешественники, ни даже могучие вожди индейских племён – не смогли помочь в разрешении означенной тайны. До сих пор название металла, из которого была изготовлена колыбель, так и не установлено. Как не опознано и животное, носившее когда-то необычную серо-серебристую шкуру...

Ну, а здоровенная камышовая кошка по прозвищу – «Маркиза», появился года два с половиной назад, уже при мне. Дело было так.

В один погожий летний денёк нагрянула в Сан-Анхелино La Expedición⁸. La Expedición – это четверо толстых и смешных иностранцев, то ли немцев, то ли каких-то там ещё шведов или бельгийцев.

Все четверо были одеты в короткие штанишки («шорты» – называются), чёрные тяжёлые ботинки с высокой шнуров-

⁸ – La Expedición (испанский яз.) – экспедиция.

кой, плотные брезентовые зелёные куртки и белые пробковые шлемы. Таких странных нарядов в наших краях ещё никто не видел, поэтом популярность La Expedición в Сан-Анхелино была необычайной – бело-лимоно-жёлто-буро-чёрная толпа зевак следовала за странными иностранцами буквально по пятам.

Необычен был и багаж пришельцев – кроме многочисленных баулов и чемоданов присутствовало ещё около сотни больших металлических клеток с очень толстыми поперечными прутьями и крепкими запорами.

Долго в городке экспедиция не задержалась. Пришельцы, не торгуясь, купили всех имеющихся в наличие мулов, приобрели разнообразное продовольствие и снаряжение, наняли в качестве проводников и помощников на-все-руки дюжину местных бездельников, после чего сей немалый караван (только для перевозки клеток потребовалось более сорока мулов), отбыл в джунгли – в неизвестном направлении, с неизвестной целью.

Прошёл месяц, в течение которого все жители Сан-Анхелино изнывали от любопытства – для чего же, всё-таки, *loko gringo*⁹ отправились в джунгли? Уж больно клетки имели внушительный вид – явно предназначались не для попугаев или иных пернатых пленников.

И, вот, свершилось.

По улице Гроба Господня, центральной улице городка,

⁹ – *loko gringo* (испанский яз.) – глупые американцы.

выступала странная процессия. Усталые мулы, нервно и недовольно тряся ушастыми головами, везли клетки, в которых сидели, лежали и стояли дикие камышовые коты и кошки – совсем ещё котята и здоровенные матёрые особи, полосатые и одномастно-бурые, вопившие на все лады и гордо молчавшие, презрительно сплёвывая при этом по сторонам.

– Valgame dios¹⁰! – многоголосо выдохнула удивлённая толпа праздных зевак, не готовая определить сразу своё отношение к происходящему.

Дикие камышовые коты (как, впрочем, и кошки), создания достаточно злобные и нелюдимые. Но, всё же, в Карибии их уважали – обитали хвостатые четвероногие в самых болотистых местах джунглей, не привлекающих людей, жили очень скрытно, никогда не появлялись в человеческих поселениях, но, зато, и никогда не воровали из охотничьих капканов кроликов и перепёлок. А, ведь, даже ягуары такой лёгкой добычей не брезговали.

Короче говоря, камышовых котов воспринимали как – пусть и нелюбимых, но, всё же – достойных соседей. И, поскольку, попадались они на глаза достаточно нечасто, то и как некую редкую достопримечательность местных джунглей, о которой принято рассказывать всякие байки и небылицы за дружескими посиделками.

А тут – сотни этих «достопримечательностей» в клетках чужеземцев, за крепкими запорами. Заволновались горожа-

¹⁰ – Valgame dios! (испанский яз.) – Боже Великий!

не, заспорили...

Уже через час «выборные», во главе с самим сеньором Comandante¹¹, уверенно вошли в холл отеля «El Nacional», где квартировала La Expidicion, дабы потребовать однозначных объяснений.

А многочисленные сторонники правдоискателей (на всякий случай и согласно местному обычаю), наспех вооружённые – кто кухонным ножом, кто тяжёлым булыжником, выданным из мостовой – рассредоточились по ближайшим улочкам и застыли в нетерпеливом ожидании.

Народы, рождённые под тропическими созвездьями, всегда склонны к поиску правды. А если эти поиски ещё и сопряжены с возможностью «побряцать оружием», то и удовольствие можно получить двойное...

Однако – на этот раз – сорвалось.

Минут через десять-двенадцать Comandante, задумчиво покачивая головой, вышел из отеля, забрался на пустующий постамент памятника Великому Диктатору (сам памятник был сброшен с постамента много-много лет назад, во времена какой-то давнишней, уже всеми позабытой революции), и объявил собравшимся:

– Уважаемые граждане и гражданки Сан-Анхелино! Я, Comandante Педро Гонсалес, подтверждаю, что La Expidicion, руководителем которой является уважаемый профессор Бруно, действует строго в рамках Лицензии, вы-

¹¹ – Comandante (испанский яз.) – комендант, глава муниципалитета.

данной в Столице и подписанной секретарём самого El Senor Presidente¹². Упомянутая Лицензия разрешает профессору Бруно – отловить в джунглях сколь угодно много диких камышовых котов и кошек, которые беспошлинно и беспрпятственно могут быть вывезены за пределы Республики. Так как должны в дальнейшем, – назидательно поднятый вверх палец, – послужить благородным целям, направленным на благо всего человечества. А, именно, должны являться, я бы сказал, подопытными «единицами» при проведении профессором Бруно важных медицинских опытов по созданию чудодейственной вакцины – практически ото всех болезней....Поэтому, учитывая законность действий La Expidicion и осознавая особую значимость опытов уважаемого дона Профессора, военные власти Республики – в моём лице – берут La Expidicion под пристальную опеку. Более того, полувзвод солдат будет выставлен на охрану имущества уважаемых господ незамедлительно.... Инцидент – полностью – исчерпан! Настоятельно прошу уважаемых сограждан – разойтись по домам! Viva El Senor Presidente!

«Большая бумага» для жителей тропических стран – в мирное время, если не предвидится очередная революция или какая-нибудь иная весёлая заварушка – является непрекаемым авторитетом.

Медленно и уныло расходились несостоявшиеся защитники дикой природы, попутно вставляя не пригодившиеся

¹² – El Senor Presidente (испанский яз.) – сеньор Президент.

булыжники в пустые гнёзда мостовой. Одни – по домам, а другие – в ближайшую pulperia, дабы стаканчиком-другим поправить испорченное настроение...

И только Джедди не успокоился. Вечером того же дня он, пользуясь тем обстоятельством, что охранники, приставленные Comandante к гостинице «El Nacional», беспечно ушли праздновать именины капитана Большого Сида – больно уж настойчиво капитан приглашал – беспрепятственно вскрыл хлипкие двери гостиничного помещения, где хранились клетки с полосатыми пленниками. А после этого открыл запоры, да и выпустил кошачью братию – на все четыре стороны...

Сошло бы, возможно, всё это Джедди с рук, да только коты, оказавшись на воле, подняли невообразимый вой.

Это они пели гимн Свободе – единственному и, поэтому, бесценному достоянию кошачьей нации. Людям, погрязшим в мелких стремлениях к золоту, особнякам, модным машинам, власти и тому подобной дребедени, уже нипочём и никогда не понять, что такое она есть – Свобода, и какова её истинная ценность...

Как бы там не было, но на эти оглушительные вопли незамедлительно прибежали представители Власти, да и «повязали» Джедди, как говорится, «с поличным».

Состоялся суд. За вред, причинённый важной и законопослушной La Expedición, Джедди был приговорён к двухнедельному заключению в местной тюрьме.

Приговор оказался неожиданно-мягким, поэтому – сразу после его оглашения – всё вокруг заполнилось восторженными воплями горожан и горожанок. Именно так – под Южным Крестом – и рождаются карнавалы...

Первые лет двадцать пять все ещё помнят, по какой важной причине – именно в этот день года – происходит конкретный карнавал. Чуть позже появляются две-три противоречащие друг другу версии. А лет так через сто с хвостиком – во избежание дурацких трений и споров – карнавалу присваивается имя какого-нибудь уважаемого Святого.

Карнавалы и революции
Суть – одно.
Под Созвездьями южными
Всё – смешно...
Революции и карнавалы,
Остальное – беда.
Но, плывут по морям – каравеллы
Лишь – туда...

«Карнавал Святого Джедди, Покровителя диких камышовых котов и кошек» – чем, собственно, плохо?

Ну, так вот. Пока Джедди две недели «отдыхал» в местной тюрьме, Сан-Анхелино гулял от души – на зависть всем соседним городам, городкам, деревушкам и прочим поселениям.

Прелесть ситуации заключалась в следующем. Хотя Дже-

дди и был главным героем этой истории, сиделось ему в тюрьме – первое время – довольно-таки тоскливо. Вернее, одиноко и даже голодно – в связи с всеобщим весельем о юном узнике все, включая тюремщиков, просто-напросто позабыли...

И, вот, примерно через сутки после водворения незадачливого борца за справедливость в то место, от которого никому и никогда не стоит зарекаться, в вентиляционном штреке, питающим тюремную камеру свежим воздухом, раздался странный шум: скрежет от соприкосновения чего-то острого с каменной кладкой, отчаянное фыркание и усталые тяжёлые вздохи.

Ещё через пару минут из вентиляционного отверстия в потолке «выпала» и ловко приземлилась на все четыре лапы крупная камышовая кошка, сжимавшая в зубах жареную куропатку, очевидно, где-то ловко позаимствованную.

Неожиданная гостья, приветственно проурчав что-то неопределённое, грациозно проследовала к тюремной кровати, на уголке которой восседал Джедди, и аккуратно положила принесённый провиант на грязную тюремную подушку.

– Мр-р-р, – деликатно, с чувством собственного достоинства, заявила кошка, недвусмысленно двигая лапой аппетитную куропатку к оголодавшему мальчишке, – Мр-р-р! Мяу!

Разночтений быть не могло: благодарная спасённая сеньорита принёсла своему доблестному спасителю, заключённо-

му злыми людьми в хмурое узилище и обречённому на голодную смерть, скромный, но спасительный подарок...

В час назначенный, разномастная толпа, встречавшая пленника из заточения, была нешуточно удивлена – освобождённых оказалось двое. На плече у Джедди, переступившего тюремный порог, преспокойно сидела, свешивая длинный хвост чуть ли не до самой земли и презрительно щуря на зевак зелёные глазища, здоровенная бурая кошка.

Вопрос о дальнейшей судьбе кошки вроде бы и не стоял, но сеньора Сара Монтелеон, дабы соблюсти видимость строгости и чопорности – непреложных атрибутов La Casa desente¹³ – любезно предложила Маркизе пройти в кухню на собеседование.

Через непродолжительное время донья Сара – с Маркизой на руках – прошествовала в гостиную, где и объявила всем присутствующим там друзьям и родственникам, что отныне сия кошка является полноправным членом семьи. Более того, находится под её личным патронажем, и горе тому, кто попытается обидеть хвостатую воспитанницу.

Клянусь Непорочной Мадонной, но глаза наглой кошки (а я тоже удостоился чести наблюдать за этим торжественным событием), откровенно смеялись, а пушистые усы топорщились в хитрющей улыбке...

Примерно через месяц Маркиза неожиданно исчезла. Чёрные мысли, нелепые серые предчувствия, жёлтое удив-

¹³ – La Casa desente (испанский яз.) – приличный дом.

ление – верные спутники любой незваной разлуки.

Но ничего страшного и невозвратного не произошло. Не закончилось ещё и двух полных циклов преобразования Луны, как кошка вновь сидела на пороге дома семейства Монтелеон, а на её шее – на массивной цепочке – висел внушительный золотой медальон, испещрённый по краям непонятными древними письменами. А в самом центре медальона, на другой его стороне, был искусно выгравирован цветок розы, понятное дело, что жёлтой – раз на золоте...

Медальону суждено было повторить путь жареной куропатки: Маркиза нагнула массивную голову, стряхнула золотое украшение на каменные плиты, и лапой ловко подвинула подарок к ногам опешившего Джедди.

Ну, и кто после этого скажет, что кошки создания неразумные, в гордыне своей позабывшие, что есть такое – благодарность?

Открыть медальон, а внутренняя пустота чётко простукивалась, до сих пор никому не удалось, как, впрочем, и прочитать письмена, начертанные на нём. Хотя Чабес – индеец из какого-то горного племени – уверяет, что видел похожие значки, высеченные на древней каменной пирамиде, спрятанной где-то в самом сердце джунглей...

Чёрный снег, хрустальные слёзы. Карибская шутка...

– Вот, Андрес, видишь – со мной всё в полном порядке. И волновались вы все абсолютно напрасно, – дедушка Аугусто поворочался, поудобнее устраиваясь среди многочисленных белоснежных подушек. – Я вполне ещё здоров. Для своих преклонных лет, понятное дело. Жаль только, что собственный юбилей пришлось встречать в больнице...

По правде говоря, дед выглядел не очень – бледное изможденное лицо, бесконечно-усталые глаза в тоненьких красных прожилках. Что же вы хотите, такой сильный сердечный приступ в девяносто лет – это совсем даже и не шутка.

– А Джедди, представляешь, мне сделал отличный подарок, – продолжил старик. – Помнишь ту квадратную каменную плиту с древними письменами, что мы с доном Романо отыскиали лет двадцать пять тому назад в заброшенном городе майя? Помнишь? Так, вот. Джедди перевёл содержание этого текста. Полная фантастика! Там какой-то древний индеец рассуждает о сущности Смерти. Потрясающе! Послушай-ка...

Дед Аугусто откашлялся, прищурил левый глаз и торжественно произнес, словно молитву прочёл:

Черный снег. Хрустальные слезы.

Хрустальные слезы – на черном снегу.

Но это еще не конец, нет.

Мир еще осязаем. И слышна печальная свирель.

Но, вот, хрустальные капли мутнеют, трескаются и превращаются в серую пыль.

Светлая музыка стихает.

Остается только черный снег.

И звенящая тишина...

Я, в отличие от своего деда, в литературных изысках не силен – мне более привычно по джунглям прогуляться, или там клады старинные по островам поискать, но, чтобы не огорчать старика, я вежливо присоединился к его восторгам по поводу сего индейского опуса.

– Так вот, Андрес, Мир для меня еще весьма осязаем. И флейта слышна отчетливо, – возбужденно затараторил дед, который всю свою жизнь слыл записным болтуном. – Поэтому я умирать пока не собираюсь.... Кстати, дня через два-три к нам приезжает дон Романо – тут для него образовалась одна прелюбопытная загадка. Слышал, как неделю назад погиб Буго-Пройдоха? Из-за этих чёрных котов, про которых писали в газете? Нет? Ах, да, ты же всё по дальним горам болтаешься, жилу золотую ищешь. Ну, ладно, потом расскажу.... Глупость, между нами говоря, страшная. Как можно бояться безобидных чёрных котят? Кто-то пошутил, а у впечатлительного Пройдохи приключился инфаркт. Смех, да и

только...

Дед торопливо налил в медицинскую мензурку из высокой бутылки остро пахнувший настой валерианы и выпил единым махом, как в далёкой и беззаботной молодости – стакан рома.

– Давай, зови Томаса! – старик от нетерпения поперхнулся, и несколько капель настоя потекли по его подбородку, оставляя неровные подтёки.

Томас, старый вест-индийский негр, служивший у деда кем-то вроде дворецкого и няньки одновременно, медленно и величественно вкатил в спальню журнальный столик на колёсиках, заваленный свертками, пакетами, книгами, открытками и коробками самых различных форм и размеров.

– Это, масса Аугусто, пока вы лежали в больнице, на ваше день рождения разные почтенные доны и сеньоры изволили прислать подарки, – улыбаясь, произнес старый слуга, уж он-то знал, что для деда подарки – особенно в больших количествах – являются лучшим лекарством от всех болезней.

Я стал помогать разворачивать и сортировать многочисленные презенты. Чего тут только не было – старинные, позеленевшие от времени шпаги и стилеты, морские раковины различных размеров, искусно сработанные модели парусных судов, морские карты, испещренные непонятными разноцветными значками – дед в наших краях слыл самым ярким коллекционером всего необычного, так или иначе связанного с морем.

Вдруг, одна из коробок, стоявшая на самом краю столика, странно вздрогнула, качнулась из стороны в сторону, и вновь замерла.

– Осторожно, Андрес, там кто-то живой! – азартно выкрикнул дед Аугусто. – Вскрывай её скореей!

С помощью первого подвернувшегося под руку кинжала я освободил прямоугольную изумрудно-зелёную крышку от сургучной нащепки и осторожно потряс коробку над столом.

Неожиданно крышка отошла в сторону, и на ворох подарков звонко шлепнулся маленький чёрный котёнок. Он ловко приземлился на все четыре лапы, встряхнулся и злобно зашипел.

Оглядевшись по сторонам, котенок уставился на деда немигающими зелеными глазищами...

Дон Аугусто Буэнвентура-и-Гарсия – старый карибский авантюрист, повидавший по этой жизни всякого – никогда не слыл трусом. Но тут, я готов поклясться всеми Святыми, в его глазах застыл даже не страх, а животный всепоглощающий ужас...

Дед беспомощно вскинул руку к лицу, словно бы защищаясь от какой-то нешуточной опасности, и едва слышно забормотал:

– Нет, только не это. Чёрная лапа смерти, как и писали в газетах.... Неужели, это конец? За что, Господи? И только – чёрный снег, и – звенящая тишина...

Дурацкая шутка, конечно. Впрочем, на здоровье деда она никакого негативного воздействия не оказала. Даже наоборот, он очень быстро пошёл на поправку и уже буквально через неделю вовсю скакал на лошади.

Лузеру – саечка

Джон стоял на краю гигантской тёмно-бордовой скалы, гордо нависавшей над каньоном Большого Колорадо, красивой горной страной Северной Америки.

Таинственные голубые дали, бездонное синее небо над головой, пугающий чёрный Провал под ногами, белый-белый искрящийся снег вокруг. Всё это завораживало – до безумия.

Глаза юноши наполнились слезами восторга, губы – непроизвольно – приоткрылись...

– Лузеру – саечка! – раздался насмешливый звонкий голосок.

Горячие девичьи пальчики резко, но – одновременно – и нежно, коснулись нижней челюсти Джона. В ту же секунду крепкие белоснежные зубы молодого человека громко цокнули друг о друга, имеется в виду – «верхние о нижние».

Совсем рядом раздался громкий и залиvistый смех.

Чуткое горное эхо – в ту же секунду – нежно поделило этот смех на составные части и многократно умножило, превращая его в чудное пение неведомых могучих колоколов, сопровождаемое неистовой подпевкой миллионов крошечных серебряных колокольчиков.

Джон, конечно же, не обиделся: это всего лишь Беки – веселится, как и всегда. Как, вообще, можно было обижаться на такую девушку? Озорные голубые глаза, длинные, блестя-

щие на солнце каштановые волосы, ну, и всё остальное....

Тем более что неделю назад Джон Тревол сделал Бекки Смит – в присутствии уважаемых свидетелей – вполне недвусмысленное предложение, на которое вышеозначенная Бекки дала самый недвусмысленный и, безусловно, положительный ответ, подкреплённый самым недвусмысленным и жарким поцелуем. Что же вам ещё, непонятливые мои?

На следующее утро Джон бодро шагал в сторону ближайшей железнодорожной станции. Необходимо было встретиться с Еженедельного Трансконтинентального груз хитрого французского медного припоя.

Разве я вам ещё не сказал, что Джон Тревол работал помощником кузнеца, а сама кузница квартировала в славном городишке Вест-Хем? Вот, говорю...

Утро выдалось славным, безветренным и солнечным. В кронах деревьев звонко цокали рыжие белки, в кустах орешника звонко чирикали какие-то мелкие пичуги. Дорогу к станции пересекал бодрый ручей, в котором – так же бодро – плескалась крупная форель.

Джон не смог удержаться от соблазна: срезал перочинным ножом гибкий ореховый прут, достал из внутреннего кармана пиджака дощечку с заранее намотанной на неё готовой снастью, и – примерно через час – пяток крупных форелей уже неистово дергались на кукане, опущенном всё в тот же ручей.

– Заберу на обратном пути, – решил наш герой.

А, вот, к приходу поезда Джон безнадежно опоздал. Взобрался, отдуваясь, на Привокзальный холм, а Еженедельный Транснациональный уже отходит...

С холма вся станция – как на ладони. Хромой Хэнк тащит куда-то клетку с бойцовыми гусями, миссис Нэддинг племяшку, с поезда встреченную, ведёт за руку. А это – кто?

– Господи Всемогуший! – ошарашено пробормотал Джон. – Это же моя Бекки! Идёт себе рядом с каким-то высоким щёголем в чёрном цилиндре, держит его за руку, взволнованно щебечет о чём-то.... Святые Угодники, да она же его целует в щёку!

Здесь-то, вот, «шторка» у Джона и упала.... Поскрипел он на холме зубами немного – часик-другой. А потом – от полной и тоскливой безысходности – отправился на железнодорожную станцию. Там он отважно и целенаправленно, до поросячьего визга, «нарезался» кукурузным контрабандным виски, да и сел в первый проходящий поезд.

Поезду-то что? Постоял на станции минут двадцать-тридцать, попыттел хмуро и недовольно, да и умчал нового пассажира куда-то – в безумную даль...

Прошло – без малого – три года. На берегу безбрежного Атлантического океана стоял молодой католический священник – отец Джон – и размышлял о всяких разных разностях. Размышлять – для католических священников – дело куда как полезное.

Допустим, что вы пришли на морской берег. Просто так пришли, без всякой конкретной цели, для оздоровительного променада. Например, на пляж славного Майами, или, допустим, какой-нибудь там провинциальной Ниццы. Подошли к береговой линии и задумчиво глядите себе под ноги, а затем медленно поднимите голову.... В этом случае перед вашим взором последовательно промелькнёт череда следующих непритязательных картинок. Песок, песок, море, море, линия горизонта, небо, небо, небо.... Но так бывает далеко не везде и не всегда. Например, на набережной городка Сан-Анхелино, во второй декаде июня, при полном безветрии, на рассвете – между шестью и семью утренними часами – череда картинок будет иной. Песок, песок, море, море.... А, может, уже небо? Точно, небо! Может, всё-таки, море? Море, небо, море.... И, никаких тебе фокусов! Просто море и небо совершенно одинакового, ярко-бирюзового цвета, линия горизонта полностью отсутствует, небо и море сливаются в нечто Единое, Неразделимое и Неразгаданное.... Ничего прекрасней нет – на Белом свете! И если вы еще не наблюдали этого чуда, то вы – настоящий счастливчик, ибо у вас впереди первое, ни с чем несравнимое свидание с ним.... Ну, а тот, кто уже стал свидетелем Непознанного, покидает сей блаженный берег только по крайней необходимости, или же – по зову сил Высших...

Вот, примерно такие мысли лениво копошились в голове у Джона. Ведь, общеизвестно, что на рассвете всегда тянет

слегка пофилософствовать...

Сан-Анхелино, наконец, проснулся. Многочисленные женщины и мужчины заторопились куда-то по узким, мощеным диким необработанным камнем улицам. Кто-то по важным делам, но большинство просто так – ради утреннего променада, пока не наступил полуденный зной, а, следовательно, и многочасовая сиеста – в спасительной тени.

В крохотную бухту, надсадно подавая хриплые гудки, ввалился грузный лесовоз «Святой Августин», оставляя за собой радужные мазутные пятна и устойчивый запах керосина.

Оранжевое, все еще утреннее, и поэтому не особенно злобное солнышко, выглянуло из-за апельсиновой рощи, которая уютно расположилась прямо за спиной у Джона. Оптический обман тут же приказал долго жить, меняя цвета и перспективы. И, вот, нежно-зеленое море уже было безжалостно разлучено с голубовато-лазурным небом: будто бы кто-то торопливо провел по прекрасному художественному полотну тупым ножом, оставляя – где-то там, в немыслимой дали, грубый шрам – линию горизонта. Нежное прохладное утро тихо и незаметно скончалось, родился безжалостный – в своей грядущей жаре – новый тропический день...

Отец Джон, наконец-таки, очнулся от философских дум. Пришла пора подумать и о делах насущных.... Примерно через час ему предстояло совершить Обряд Венчания. Ещё с вечера мулатка-посыльная предупредила, что часам к десяти утра пожалует пара брачующихся. По её словам – амери-

канцы.

Старенькая церковь, гулкий прохладный зал, заставленный скамьями, грубо сколоченными из пальмовой древесины, перед священником неподвижно застыла странная пара. Хотя – под тропическими созвездиями – всё немного странное....

Жених – шкаф квадратный – в классической американской тройке, с чёрным цилиндром на голове. Невеста – невысокая стройная фигурка в чём-то неприметном и скромном, лицо скрыто за тёмной вуалью.

Привычно, не запнувшись ни разу, отец Джон довёл обряд до установленного Свыше финала:

– Если кто-либо из здесь присутствующих знает причину, по которой этот брак не может быть заключён, то пусть встанет и громко сообщит нам об этой причине!

В храме повисла чуткая тишина, через минуту разрезаемая на части звонким девичьим голосом:

– Я знаю непреодолимую причину, не позволяющую этому браку быть заключенным! В соответствии со всеми правилами и канонами, установленными нашим Создателем!

К своему громадному удивлению – и отец Джон, и немногочисленные свидетели церемонии – вдруг, осознали, что это говорит сама невеста.

А девушка, тем временем, продолжила:

– Этот человек – мой двоюродный брат! И поэтому я отменяю эту дурацкую свадьбу!

Вуаль отлетела далеко в сторону: озорные голубые глаза, длинные, блестящие – даже в полумраке церковного зала – каштановые волосы...

Глаза священника округлились в нешуточном изумлении, губы – произвольно – приоткрылись.... Горячие девичьи пальчики резко, но – одновременно – и нежно, коснулись нижней челюсти отца Джона. В ту же секунду крепкие белоснежные зубы ревнивца громко цокнули друг о друга, имеется в виду – «верхние о нижние».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.